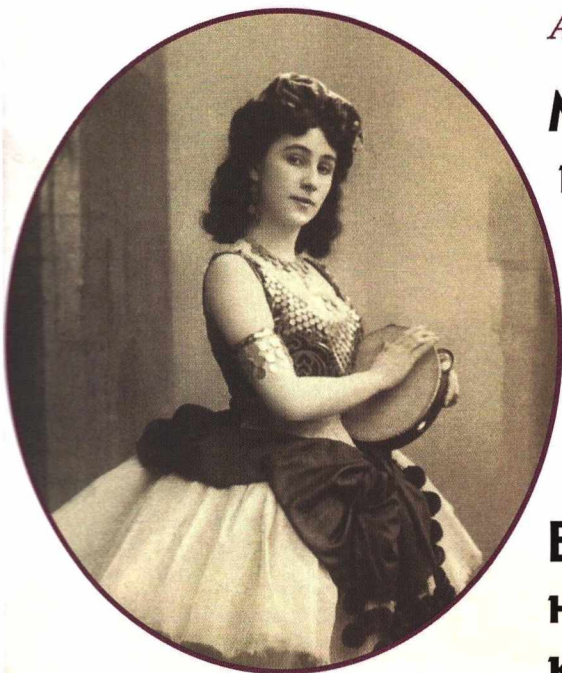

Одна балерина и два великих князя

Алексей Кулегин

Матильда Кшесинской не раз доводилось оказываться в центре различных скандалов — великосветских, околобалетных и даже политических. В большинстве случаев примадонна выходила из них победительницей. В дореволюционный период её надёжно защищала близость к представителям династии Романовых, но Февральская революция враз всё изменила...

▲ Матильда Кшесинская в заглавной роли в балете «Эсмеральда» Цезаря Пуни в постановке Мариуса Петипа. Санкт-Петербург, Мариинский театр, 1899 год

Днём 27 февраля 1917 года Кшесинской пришлось экстренно покинуть свой великолепный особняк на Петроградской стороне, опасаясь расправы со стороны толпы революционных солдат и примкнувших к ним обыкновенных мародёров. Теперь, чтобы добиться возврата имущества, Кшесинской приходилось обращаться в различные инстанции, начиная с министра юстиции Временного правительства Александра Керенского и кончая исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Ей везде сочувствовали, но реального содействия для выселения занявших здание солдат

мастерских запасного автоброне-дивизиона и разместившихся там вскоре большевистских организаций оказывать никто не спешил. Даже знаменитый адвокат Николай Карабчевский, который ещё недавно клялся в вечной преданности Кшесинской, теперь отказался представлять её интересы в суде, не желая прослыть защитником «царской фаворитки».

Матильда вынуждена была скитаться по квартирам различных друзей и родственников. Три недели она провела у своего брата, артиста Императорских, а теперь Государственных театров Иосифа Феликсовича Кшесинского, проживавшего в квартире №22 дома №18/10 по Спасской улице. В разгар мытарств Матильды

Феликсовны, связанных с попытками вернуть свою собственность, произошло событие, в котором, как в капле воды, отразилась стихия вседозволенности и аморальности, охватившая значительную часть граждан России в послефевральский период. В эпизоде, нашедшем отражение в одном из дел фонда 487 прокурора Петроградского окружного суда, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве города Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Кшесинскую попытался шантажировать рядовой солдат.

Всё началось с неожиданного телефонного звонка. Около полудня 21 марта 1917 года в квартире Иосифа Кшесинского зазвонил телефон.

В трубке раздался голос неизвестного человека, который заявил подошедшей к телефону Матильде Кшесинской, что в его распоряжении имеются два письма: «одно на имя г-жи Кшесинской, а другое на имя её сына, которые он готов предоставить по принадлежности». На вопрос

Адвокат стал действовать оперативно

Кшесинской, откуда у него эти письма, неизвестный ответил, что нашёл их при обыске на Забалканском проспекте. Почувствовав в словах незнакомца что-то недоброе, Кшесинская не стала у него интересоваться, на каких условиях согласен он вернуть письма, а попросила позвонить ей ещё раз вечером.

«В тот же день г-жа Кшесинская рассказала о произошедшем случае своему знакомому присяжному поверенному Хесину (*Владимир Савельевич Хесин (1867–1948), присяжный*

поверенный и стряпчий, юрисконсульт шведской королевской миссии в России. 5 мая 1917 года представлял интересы Кшесинской на судебном процессе в камере мирового судьи 58-го участка и добился решения о выселении большевистских организаций из её особняка, которое, однако, так и не было выполнено; с 1921 года — в эмиграции в Париже. — А. К.) и по его совету подала соответствующее заявление в комиссариат (городской милиции. — А. К.). Вечером того же 21 марта неизвестный снова позвонил по телефону и сказал подошедшему к телефону Хесину, что у него имеются два письма на имя М. Ф. Кшесинской от великого князя Андрея Владимировича, которые он может уступить на известных условиях. Хесин предложил неизвестному приехать к нему на квартиру,

► Великий князь Андрей Владимирович.
Фото 1910-х годов

▲ Присяжный поверенный Владимир Хесин.
Фото начала XX века

но он от этого отказался, и тогда было решено встретиться в 9½ часа в ресторане «Слон», причём неизвестный должен был спросить Хесина под фамилией Савельева.

Адвокат стал действовать оперативно. Он заехал в комиссариат милиции и попросил прислать туда к этому времени наряд милиционеров, а затем отправился к Пяти углам, где в доме №18/2 по Загородному проспекту и находился перворазрядный ресторан «Слон». Здесь он занял отдельный кабинет и заказал чай и закуску. В половине десятого в кабинете появился некий солдат, заявивший, что он тот, с кем Хесин говорил по телефону. На просьбу предъявить письма солдат ответил, что сдаст их только по получении от Хесина пяти тысяч рублей, «так как содержание этих писем таково, что вел. [ликий] кн. [язь] Андрей Владимирович даст за них и 50 тыс., лишь бы избежать дурных последствий, если они попадут к “гражданскому мужу” М. Ф. Кшесинской великому князю Сергею Михайловичу». Чтобы затянуть время до прихода милиционеров, Хесин стал торговаться с солдатом, и тот сделал уступку

▼ Матильда Кшесинская с сыном Владимиром. Яков Штейнберг. Февраль 1916 года

▲ Ресторан «Слон» на углу Загородного проспекта и Разъезжей улицы.
Фото 1924 года

до четырёх тысяч рублей, предложив при этом одну тысячу самому Хесину «за труды». Услышав в это время около дверей в кабинете шаги милиционеров, Хесин под предлогом необходимости поговорить по телефону вышел из кабинета. Тотчас же туда вошли три милиционера и три матроса, которые и отобрали у солдата, оказавшегося писарем Управления запасных гвардейских частей Андреем Ивановичем Шаталовым, револьвер и два письма от великого князя Андрея Владимировича на имя М. Ф. Кшесинской и её сына Владимира Красинского.

Как следует из черновика обвинительного акта, хранящегося в деле, привлечённый к следствию в качестве обвиняемого «в покушении на похищение Матильды Феликсовны Кшесинской выдать 5 т. р. под угрозой

нравственного насилия» Андрей Шаталов не признал себя виновным и выдвинул свою версию происшедшего. По его словам, во второй половине февраля 1917 года «адъютант Управления штаба капитан Толстой поручил ему отвезти в Кисловодск несколько секретных документов к генералу Чебыкину. Исполнив поручение, он, Шаталов, получил от Чебыкина несколько пакетов, адресованных в Петроград разным лицам. Приехав в Петроград 27 февраля ... в горячке «дней революции», пакетов сразу по принадлежности не передал, а потом решил представить их в Гос. Думу, но не имея времени исполнить своё намерение, вскрыв один из пакетов и найдя в нём конверт на имя М. Ф. Кшесинской,

► Черновик обвинительного акта прокурора Петроградского окружного суда на А. И. Шаталова по обвинению в попытке шантажа М. Ф. Кшесинской.
Петроград, 31 августа 1917 года
ЦГИА СПб

Великий князь Андрей Владимирович
писарю Управления запасных частей
Андрею Ивановичу Шаталову.

21 марта 1917 года в Кисловодске на
квартиру к ординату гв. майору Гов.
Филиппову Кшесинскому позвонил
по телефону неизвестный человек
и заявил, что имеет к Кшесинскому
артиллерийский генерал Матильды.
Рассказав Кшесинскому, рассказавшим
мне в свой черёд
Свои брату, великому князю, что он
не в состоянии исполнить
его письма - одно из них 2-м Кшесин
а другое на имя А. И. Шаталова, - Кшесинский
обещает передать по артиллерийскому
но в ответ 2-м Кшесинскому, описав
кого был писан, упоминался артиллерийский
Кшесинский, а принадлежал к фамилии
Слов. ср. но этот в то время свободен
времени, 2-м Кшесинскому не удалось
получить, но как-то удалось получить
из артиллерийского письма, а направили его
направить к Кшесинскому. В то же
день 2-м Кшесинскому рассказала о
своей попытке
артиллерийскому генералу (по п. 1).

▲ Карикатура на Матильду Кшесинскую.
Рисунок Ре-ми (Николая Ремизова), журнал
«Новый Сатирикон»,
Петроград, март 1917 года

суда. — А. К.) с уч[астием] присяжных зас[едателей]». Статья 1686 предусматривала за вымогательство (понятия «шантаж» в российском уголовном законодательстве в тот момент ещё не существовало) «отдачу в исправительные арестантские отделения на время от четырёх до пяти лет».

Казалось, что состав преступления налицо и можно было направлять дело в суд, однако дальнейшие события развивались иначе и вызывают ряд вопросов. Во-первых, обвинительный акт был составлен лишь 31 августа 1917 года. Почему для составления столь простого, на первый взгляд, обвинительного заключения потребовалось свыше пяти месяцев? Во-вторых, как это соотносить с другим имеющимся в том же деле документом — письмом военного прокурора Петроградского военно-окружного суда за №3622 от 19 июля

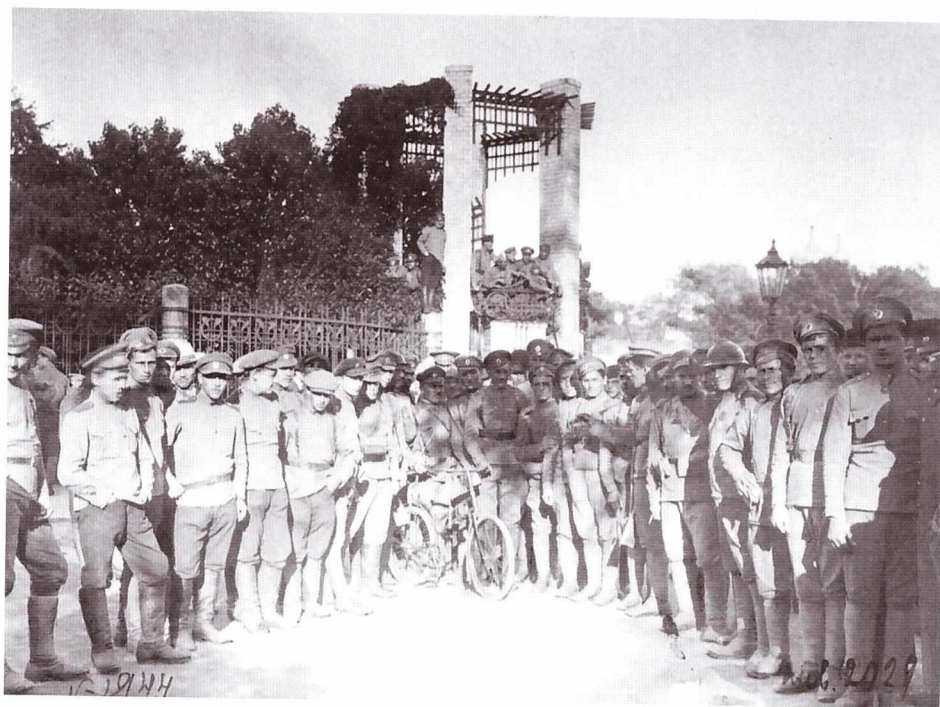
1917 года на имя прокурора Петроградского окружного суда, где говорилось, что препровождается «дело о писаре гвардейских запасных частей Андрее Шаталове (ныне запасного батальона гвардии Петроградского полка) по принадлежности», и одновременно сообщалось, «что согласно уведомлению командира запасного батальона гвардии Петроградского полка от 26 июня с. г. за №13633 Шаталов убыл в действующую армию — гвардии Петроградский полк с 62 маршевой ротой, куда отправлены и письменные на него сведения»? Фактически это означало, что теперь он недоступен для уголовного преследования со стороны судебных органов.

Тем не менее прокурор Петроградского окружного суда 26 июля направил товарищу прокурора 6-го участка Петроградского окружного суда письмо, где говорилось: «Препровождаю при сём для дальнейшего направления дело об Андрее Шаталове вместе с отношением Военного прокурора Петроградского

военно-окружного суда от 19-го июля 1917 года...» Находящиеся в деле документы не дают ответа на все эти странные несоответствия, но можно предположить, что прокуратура не слишком спешила с направлением дела в суд, опасаясь реакции «демократической общественности»: ведь как-никак потерпевшей выступала бы всё та же пресловутая «царская фаворитка», о которой в бульварной прессе распускались самые невероятные слухи, а обвиняемым — солдат «революционного» Петроградского гарнизона. И Шаталова просто

подали бы от Петрограда, благо летом 1917 года опять начали активно направляться на фронт маршевые роты.

Бюрократическая переписка по делу продолжалась ещё несколько месяцев. В прикреплённой к одной из страниц записке, датированной 10 октября, резонно утверждалось: «Сроки ...пропущены. Дело направлено товарищу прокурора 6 участка 26 июля 1917 г., и направлено товарищем прокурора 28 сентября 1917 г., причём подписано 21 августа того же года». В другом документе сообщается, что «Означенное в настоящем представлении дело с обвинительным актом ... представлено г. прокурору Петроградской судебной палаты "...» сентября (дата в тексте документа отсутствует. — А. К.) 1917 г. за №2405». Недовольный этими проволочками, 13 октября прокурор Петроградского окружного суда написал на документе резолюцию: «Тов. прокурора Фицтуму представить объяснения о причинах несоблюдения (сроков. — А. К.)». Были ли

▶ Солдаты самокатного батальона у ограды особняка Кшесинской.
Петроград, 6 июля 1917 года

Кшесинской с Андреем Владимировичем. Так что «находчивому» солдату, который решил заработать на тайне этого любовного треугольника, в любом случае ничего хорошего не светило, кроме крепкой оплеухи, хотя едва ли представитель романовской династии стал бы мारать об негодея руки.

К сожалению, для самого Сергея Михайловича задержка в Петрограде оказалась роковой. Весной 1918 года он был выслан большевиками в Вятку, а затем на Урал. В Алапаевске в ночь на 18 июля 1918 года вместе с другими членами дома Романовых вывезен за город, оказал палачам сопротивление и был застрелен, а тело его сбросили в шахту. Когда в город вошли белогвардейцы и тела жертв подняли на поверхность, в руке Сергея Михайловича был зажат маленький золотой медальон, когда-то подаренный ему Кшесинской, с её портретом и надписью «Маля»... ▼

Автор — кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ

подготовлены такие объяснения, неизвестно, однако лишь 5 ноября (!) Фицтум направил прокурору Петроградской судебной палаты представление по делу Шаталова, а окончательно дело было закрыто только 14 ноября 1917 года. В это время уже

разместились подразделения самокатного батальона, прибывшего с Северного фронта для подавления антиправительственного выступления, и выселять «спасителей демократии» никто не спешил. Понимая бесперспективность дальнейшего пребывания в охваченном революционным хаосом Петрограде, Кшесинская ещё 13 июля навсегда покинула столицу и отправилась в Кисловодск, где ждал её Андрей Владимирович.

В феврале 1920 года на итальянском пароходе «Семирамида» она отправилась в эмиграцию, где в Каннах в январе 1921 года официально вышла замуж за Андрея Владимировича, получив титул княгини Красинской. В Петрограде остался лишь безответно влюблённый в неё великий князь Сергей Михайлович, который пытался спасти остатки имущества Матильды. К глубокому разочарованию шантажиста Шаталова, он, конечно, давно прекрасно знал о взаимоотношениях

В феврале 1920 года на итальянском пароходе «Семирамида» она отправилась в эмиграцию

почти три недели у власти в Петрограде находились большевики и, конечно, уже никому не было никакого дела до какого-то незадачливого шантажиста Шаталова, который давно канул в бушующем водовороте революционных событий.

К тому моменту уже почти четыре месяца не было в Петрограде и потерпевшей по этому делу Матильды Кшесинской. Письма великого князя Андрея Владимировича ей возвратили, но добиться возврата своего особняка ей так и не удалось. Хотя 6 июля 1917 года войска Временного правительства захватили её особняк, однако теперь там

▶ Великий князь Сергей Михайлович.
Фото 1903 года

